

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for
 Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Is. 3, pp. 535–543, 2019
 DOI: 10.22162/2619-0990-2019-43-3-535-543
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 82-14

Депортация карачаевцев и балкарцев в творчестве современных поэтов (на примере новейшей карачаево-балкарской поэзии)

Керимова Раузат Абдуллаховна¹

¹ Институт гуманитарных исследований — филиал Кабардино-Балкарского научного центра РАН (д. 18, ул. Пушкина, 360000 Нальчик, Российская Федерация)
 кандидат филологических наук, научный сотрудник
 ORCID: 0000-0003-1964-4511. E-mail: K.roza07@mail.ru

Аннотация. В данной статье впервые исследуется тематический пласт новейшей карачаево-балкарской поэзии в аспекте так называемой «выселенческой» лирики. *Цель исследования* — раскрыть основные жанрово-стилевые особенности произведений о депортации с точки зрения художественного языка и национальной образности, а также определить идейно-эстетические направления и обозначить идейно-нравственные особенности в произведениях молодых поэтов. *Методы.* В статье используется комплексный подход, который позволяет детально рассмотреть заявленную проблематику, выявить ключевые аспекты в развитии творческого сознания авторов нового поколения. *Результаты.* В творчестве молодых художников слова наблюдается усиление интереса к национальной картине мира, к ее истории (в частности, к теме депортации), к «собственным корням», культуре, обычаям и традициям.

Обострённое внимание современных мастеров слова к национальным духовным ценностям позволяет по-новому раскрыть художественные и социально-философские смыслы, лежащие в основе этой проблемы. Идейная направленность их произведений состоит в раскрытии антигуманности и абсурдности факта переселения, в подчеркивании трагической несправедливости к людям, насильственно вырванным с родных мест. *Выводы.* Результаты исследования позволили раскрыть ключевые моменты в развитии творческого сознания молодых национальных авторов, выявить эстетико-смысловую иерархию, а также доминанты ценностно-ориентационного единства в содержании и проблематике произведений нового поколения мастеров слова.

Ключевые слова: новейшая карачаево-балкарская поэзия, депортация, этнокультурное сознание, эволюция авторского самосознания

Для цитирования: Керимова Р. А. Депортация карачаевцев и балкарцев в творчестве современных поэтов (на примере новейшей карачаево-балкарской поэзии). Oriental Studies. 2019;(3): 535–543. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-43-3-535-543.

Deportation of the Karachay-Balkar People in Works of Contemporary Poets: a Case Study of Modern Karachay-Balkar Poetry

Rauzat A. Kerimova¹

¹ Kabardino-Balkar Scientific Center of the RAS, Humanities Research Institute (18, Pushkin Str., 360000 Nalchik, Russian Federation)
Cand. Sc. (Philology), Research Associate
ORCID: 000000000. E-mail: K.roza07@mail.ru

Abstract. The article attempts, for the first time, to explore the thematic layer of ‘deportation’ lyrics within modern Karachay-Balkarian poetry. The *goal* of the study is to reveal the key genre and stylistic features of deportation related works with due regard of artistic language means and nation-specific images, as well as to identify ideological and aesthetic trends, delineating morality aspects in works of young poets. *Results.* The examined works by young artists of the word manifest an increasing interest in the national view of the world, ethnic history (and the deportation in particular), ‘own roots’, culture, customs, and traditions. The closer attention to the national spiritual values makes it possible to give free rein to the new understanding of artistic and socio-philosophical meanings underlying this problem. Ideologically, the works seek to show the inhumanity and absurdity of the fact of resettlement, emphasize the dramatic injustice of history towards people forcibly taken away from their native lands. *Methods.* The article applies an integrated approach that facilitates a detailed insight into the issue, discovering key aspects in the development of the creative consciousness present-day authors.

Keywords: modern Karachay-Balkar poetry, deportation, ethnocultural consciousness, evolution of the author’s self-consciousness

For citation: Kerimova R. Deportation of the Karachay-Balkar People in Works of Contemporary Poets: a Case Study of Modern Karachay-Balkar Poetry. *Oriental Studies*. 2019;(3): 535–543. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-43-3-535-543.

В реалиях нового времени актуализировалась необходимость рассмотрения эстетически «полноценной» художественной среды в национальных литературах и их соотносённости с другими формами общественного сознания, в частности с проблемой свободы человеческой личности. Состояние этого гносеологического явления отмечается в новейших исследованиях в разных отраслях науки. В современных условиях так называемой «свободы» и адаптации западных демократических ценностей особую значимость обретает всестороннее рассмотрение таких понятий, как «свобода личности», «нравственность», «трагическая судьба героя», «народная трагедия» и т. д. Ввиду этого масштабное развитие исследования морально-этических проблем и идей гуманизма необходимо рассматривать

в контексте современного мирового литературного процесса, где изучение истории отдельных этносов становится все более актуальным.

Интерес к прошлому, к культуре, ценностям в большей степени наблюдается у тех народов, которым пришлось пройти через множество тяжелых испытаний. Исследователь Е. А. Жабоева в своей книге отмечает: «Малые народы Кавказа, в частности карачаевцы и балкарцы, были унижены, почти была потеряна самостоятельность, игнорировались национальные традиции. Возникают серьезные проблемы переосмысления жизненных устоев, национальной гордости, человеческого достоинства. Появляется необходимость решения задач возрождающейся культуры» [Жабоева 2003:11–12].

Известно, что период с 1943 по 1957 гг. связан с драматическими событиями в национальной судьбе карачаевцев и балкарцев, вошедшими в историографию этноса под термином «депортация». Несмотря на то, что основная масса населения Северного Кавказа принимала активное участие в военных действиях и победа была достигнута «общими силами» всех народов, населяющих страну, в отношении многих из них были совершены репрессии.

Как справедливо отмечает А. Г. Галлямова, «данные решения были направлены на отказ от идеологических „поблажек“, допускавшихся в силу чрезвычайных обстоятельств военного времени. В новых условиях, когда враг был изгнан с территории страны, официальная пропаганда меняла свою тональность. Она больше не нуждалась в опоре на национальный героический эпос, исторические образы, жившие в памяти народов СССР» [Галлямова 2014: 67]. Резкое ужесточение контроля над интеллектуальной жизнью страны, включая художественную литературу, музыку, театр, кино, общественные и точные науки, биологию и т. д., определяло атмосферу тех времен [Цфасман 2012: 80].

Одним из серьезных негативных последствий политических репрессий было уничтожение культурного наследия нации без возможности его дальнейшего развития. Языки и культурные традиции депортированных народов исчезли из числа официально признанных и поддерживаемых государством. Был установлен полный запрет на упоминание балкарцев и других репрессированных народов в научных изданиях, в литературе [Тетуев 2012: 40; Так это было 1993].

Многие известные на тот момент национальные писатели были вынуждены «замолчать», но молчание начинается там, где кончается речь [Эпштейн 2015]. Этот этап в национальной словесности, в частности в карачаево-балкарской, можно обозначить как время «литературного молчания».

Так, известный в стране поэт-фронтовик К. Кулиев как спецпереселенец не мог публиковать свои стихи, а если получалось, то издавал их под псевдонимом К. Чегемли. Как рассуждал сам поэт, «я был всего лишь

молчалив, когда остальные были немые...» [Писатели Кабардино-Балкарии 2003: 247–248].

Безусловно, в то время ни у кого не было возможности выражать свои мысли и переживания по поводу преступных действий со стороны властей и НКВД. Действующая на тот момент жёсткая цензура побудила писателей обратиться к «эзопову языку». Зашифровывая свои мысли, классики национальной литературы часто оперировали мифологическими фигурами, а также использовали природные образы в решении данной проблемы («Не плачь и постарайся, друг», «Ажашхан Мараучула» ('Заблудившиеся охотники'), «Тень орла», «Къаядагъы гокка хансха» ('Цветку на горе') К. Кулиева, «Къарт атала жери» ('Земля моих предков') К. Отарова, «Статуя голой девочки» Х. Байрамуковой и т. д.) [Керимова 2018: 107].

Литературовед Б. Берберов в своей книге отмечает, что «цветок Зумакуловой наделен персональным смысловым компонентом — терпеливостью, стойкостью и безмерной целеустремленностью» [Берберов 2011: 33]. Поэтесса приводит аналогии «цветок — народ», выявляя сходства в эстетических категориях «прекрасного», «хрупкого», а также обозначая нравственную чистоту народа, которая подобно цветку, пробивающемуся сквозь каменную твердыню [Атабиева 2008: 8]. При этом «скала» олицетворяет тоталитарный режим, под тяжестью которого изгнанные народы не утратили свободолобие и силу духа.

Таким образом, пользуясь «эзоповым языком», многие поэты выражали свои мысли, создавая метафорические образные модели. Фольклорист Б. Берберов в своем исследовании также подчеркивает: «События, связанные с народной трагедией, замалчивались средствами массовой информации, в учебниках истории о них почти не упоминалось, поэты и прозаики отражали их, лишь прибегая к эзопову языку и разного рода метафоро-аллегорическим ухищрениям» [Берберов 2011: 9].

Так в стихотворении К. Кулиева «Раненый камень» появляется образ камня, символизирующий балкарский народ, а употребление местоимения *мы* свидетельствует о связи поэта со своей нацией:

*Таи да кыйынлыксыз калмаганды
Тауда уруш оклары сызгырганда:
Ол да, бизнича, жаралы болганды,
Ок ызлары энтта туралла анда*

[Кулиев 1968: 202].

‘Беда не обошла и камень,
Когда в горах гремели пули:
Он тоже, как и мы, стал раненым,
Следы от пуль еще свежи на нем’¹.

1

В творчестве классиков поэзия о депортации рассматривалась с точки зрения нравственно-психологической составляющей, намеренно обходя политические вопросы. Конечно, в лирике доминировал трагический пафос, но они четко придерживались установки А. С. Пушкина «лирой пробуждать добрые чувства» [Алексеев 1984].

Такие корифеи, как К. Мечиев, К. Кулиев, испытавшие на себе тяготы переселения, активно демонстрировали стойкость духа и веру в справедливость в отношении «спецпереселенцев»: «Если радость придет, радость прими и не гордись, будь достойнее. Если горе придет, губы сожми и не страшись, будь достоин его»² [Кулиев 1968: 187].

Надежду в их сердцах подкреплял приущий народу оптимизм, а спасение они находили в усердном труде:

Честный труд — спаситель наш сегодня,
Он оденет и прокормит нас,
Силы даст держаться благородней
И достойней встретить горький час.
Свой народ прошу: с бедою споря,
Жить работой, почитая труд,
Совести не забывать и в горе,
И наветы, верю, отпадут...

[Мечиев 2003: 165–166].

Но при этом, как отмечает исследователь Н. Ц. Манджиев, цензура не позволяла воссоздать всю масштабность данной трагедии, и все тяготы, выпавшие на долю депортированных народов, оставались «за кадром» [Манджиев 2005: 53]. Но всё же молчать было сложно, и свои переживания, как было отмечено выше, они выражали посредством обращения к художественным

приемам, усилением изобразительно-выразительной системы поэтического языка.

Но многие выявляют и положительную сторону цензуры, обосновывая тем, что она поспособствовала совершенствованию и обогащению поэтической лаборатории писателей: «...Аппарат давления, цензуры, подавления оказывается — это парадоксально — полезным литературе... То есть цензура невольно обуславливает ускорение метафорического языка...» [Бродский 2000].

После произошедших репрессий мировоззрение «изгнанных» в корне поменялось: объединявшая до сих пор советских писателей идейная (партийная) направленность их произведений, первоочередной целью которых было выразить дух советского патриотизма, сменилась на усиление собственной этнической идентификации.

Однако хрущёвская «оттепель» и так называемые процессы либерализации в политике страны, направленные в том числе на духовное возрождение общества и разоблачение преступлений сталинского режима, повлияли на укрепление потерянного доверия в сознании высланных этносов к институтам государственной власти.

В конце 1980-х гг. в регионе начинает формироваться новая генерация поэтов, для которых важнейшей задачей было отразить специфику эпохальных перемен, переосмысливая устоявшиеся воззрения о мире и о месте человека в нём. Тема народной трагедии начала уступать публицистическому жанру, ведущей линией которого стало освещение социально-политической обстановки в стране. Лишь изредка в поэзии отдельных авторов звучали горькие мотивы разлуки с родиной.

В начале XXI в. в карачаево-балкарской литературе зарождается новое (молодое) течение авторов-ровесников, чутких к традициям предшественников, но со своим видением мира. В художественной картине молодых наблюдается «сжатие» тематического «ареала». В ней уже нет той масштабности, которая была актуальна в произведениях мастеров слова советского периода. Радикальные преобразования, потеря идеологического ориентира, переоценка ценностей в художественном сознании внесли в литературную атмосферу региона иное восприятие жизни.

¹ Подстрочные переводы здесь и далее автора. — Р. К.

² Перевод Н. Гребнева.

Молодых авторов сегодня больше беспокоят темы, касающиеся родного края, они акцентируют внимание на вопросах сохранения национальной идентичности (языка, традиций и т. д.). Стремление молодых отстоять свои этнически маркированные компоненты вызвано необходимостью противостоять процессу глобализации. В данном случае сложно не согласиться с утверждением Н. Понариной о том, что «культурный империализм» неизбежно вызывает ответную реакцию — повышенную потребность в самоутверждении, сохранении основных элементов своей национальной картины мира и образа жизни» [Понарина 2012: 13].

В связи с этим понятие «национальный характер» [Султанов 2001] до сих пор не теряет своей актуальности, более того, наблюдается обостренный интерес к проблемам этнического характера.

И, несмотря на то, что прошло более семидесяти лет со времени репрессий против народов, тема, связанная с трагическим прошлым многих этносов Северного Кавказа, до сих пор остается одной из актуальных проблем науки. Особое внимание к собственному микромиру, интенсивное обращение к этнокультурному материалу детерминировано в тексте новыми художественными формами репрезентации историко-культурного аспекта.

Безусловно, интеграционные процессы повлияли как на саму авторскую концепцию в отношении господствующей идеологии того времени, так и на форму художественной интерпретации исторических событий и изображения героя в трагических обстоятельствах. Молодые демонстрируют новый взгляд в осмыслении истории и культуры, внося собственные акценты и отражая особенность своего восприятия жизни.

На первый план выходят формирование объективной оценки действий исторических лиц и эпохи, острота постулирования мысли о невинности народов, в разное время ставших жертвами дестабилизационных акций: *Къыралны терслигин сынагъанды, журтунда ёгеге* 'Испытал несправедливость властей, на Родине своей стал чужим' *саналгъанды* [Газаева 2015: 16]; *Биз жакълагъан къырал кёчюре / Таулуланы малынча сюре* 'Страна, которою мы защищали, выселила нас / Балкарцев погнала, словно скот' [Рахаева 2014: 72]; *Нек чекгенди хал-*

къым азап, / Кимди терс анда, кимди тюз? (Ж. Аппаева) 'Почему мой народ испытал такие тяготы, / Кто виновен, а кто прав?' [Тейри кылыч 2011: 83].

Современные поэты открыто говорят о своих переживаниях, часто обнажая «беспощадную правду». И нельзя отрицать тот факт, что поэзия их старших коллег по перу характеризовалась художественно-творческой толерантностью.

В отличие от своих предшественников молодые поэты в своих произведениях используют метафоры для усиления авторской мысли, при этом избегая конкретизации и детального описания событий. Их внимание сосредоточено не на изображении одного или нескольких героев — они создают обобщенный образ народа в лице одного представителя нации, наделяя его присущими этносу характерными чертами: *Ёхтем халкъым, жигер таулула, / Кавказ хауа солуй, журтунгда. / Минг жылланы жаша аланлай, / Атынг иги бла айтылгъ-аланлай!* 'Гордый мой народ, вдыхая горный воздух, на своей Отчизне, / Сотни лет живи, как аланы, / Имя свое неся гордо!' [Рахаева 2014: 73].

В основе этих произведений — любовь к родному краю, осуждение факта антигуманности в отношении репрессированных народов и абсурдность выселения по национальному признаку: *Добродушный, гостеприимный мой народ! // Обозван...оскорблен. // Теперь для всех мы сброд! // Врагом народа, Берией, с земли отцов искоренен...//* [Байрамкулов 2012: 114].

Глубина человеческих чувств и эмоций подчеркивается в стихотворении интонационно-ритмической чёткостью рисунка, нагнетанием негативно коннотированных эпитетов (*глухое эхо, детский плач, гордая Балкария, любимый Карачай*).

Расправу над мирным населением авторы расценивают как «апофеоз тягчайшего греха». Стихотворение «Кёчгюнчюлюкден къайта» ('Возвращение') Ж. Аппаевой является ярким примером мировосприятия современного автора в осмыслении данной трагедии. Жесткие высказывания в тексте сопровождаются критикой, носящей сугубо личностный, персонифицированный характер, поэт сравнивает виновников трагедии с животными (собаками), дьяволом, обитателями преисподней: ... *Ол бизни кёчюрген*

итле, // Жаханым шайтаны эсенг а! 'Эти собаки, которые изгнали нас, // Эй, дьявол из преисподней' [Тейри кылыч 2011: 42].

Сгущение красок в тексте подкрепляется особой стилистикой, которая насыщена угрозами, мольбой, плачем, проклятиями, адресованными «палачам»: *Къалай бюгедиле белни // Ачыу, бушу-сынасынла! // Къургъакъ чыбыкълай, боранда // Желни кѣтюрмей сынасынла!* 'Как от сильного ветра сгибаются (ломаются) сухие ветки, // Пусть и они так познают горе и беды!'. [Тейри кылыч 2011: 42].

В сборник стихов молодого балкарского автора И. Байтуганова под названием «Ат-ламла» 'Шаги' (2016) вошли стихотворения, посвященные насильственному выселению балкарского народа. Автор достаточно широко представил данную тематическую линию в своей книге такими произведениями, как «Таулула» ('Балкарцы'), «Таулу халкъым» ('Мой народ'), «Миллетим» ('Моя нация') и т. д. Мотивы стойкости духа напряженно звучат в лирике молодого поэта:

...Садакъа юйренмеген,
Аман ишге тюзелмеген,
Къазах, кыргыз жерлеринден
Къайтып келген эллерине.

[Байтуганов 2016: 17].

'Не привыкший просить милостыню,
К плохим делам не приученный,
Вернувшийся в свои села с казахских,
киргизских земель'.

В основном вышеперечисленные произведения созданы в форме диалога и обращения. Несмотря на давность событий, новое поколение также остро воспринимает данную трагедию, их стихи — это способ высказаться и излить всю боль за пережитое их предками.

Становясь непосредственными участниками диалога, авторы идеализируют образ жизни народа, подкрепляя свои примеры этнокультурным материалом. Их тексты наполнены новым историческим ощущением, но сохраняют свою архаику: *Ачы къадар, къара къузгъун къанатлы. // Сау миллетни кюрешгенсе жояргъа, // Нек базындын бу таулань ояргъа? // Тобукъланмаз халкъым сени алынгда* (Л. Аппаева) 'Горькая судьба, словно черный ворон. / Ты пытался уничто-

жить целую нацию, / Почему ты осмелился разрушить эти горы? / Не преклонится мой народ перед тобой' [Тейри кылыч 2011: 83].

Эмоциональное и глубокое выражение чувств наблюдается в стихотворении Д. Рахоевой «Миллетим сынагъан кыйынлыкъ» 'Беда, постигшая мой народ'. Поэтесса рассуждает о роковой несправедливости и судьбе своего народа:

Жашларынг къан тѣге уруида,
Къартынг, сабийинг а, къуруша,
Баргъандыла мал вагонлада,
Алагъа кыйяма айлана

[Рахоева 2014: 72].

'В то время, когда твои сыновья
проливали на войне кровь,
Старики, дети погибали,
Ехали в вагонах для скота,
И беда наступала тогда'.

Обличительный пафос в тексте подкрепляется сопоставлением добра и зла, идеализацией и восхвалением своего народа, описанием специфицирующих национальных черт:

Кесинги суюдюрдюнг, кѣргюзтдюнг,
Апчымадын, тенглик эсюрютдюнг!
Ышанып турдунг Аллахынга,
Ол къайтарды ата ташынга!

[Рахоева 2014: 73].

'Ты показал себя, и тебя полюбили,
Не потерялся, дружелюбным был!
Лишь твоя вера в Бога
И вернула к земле (камням) отцов!'

Художественное осмысление данной темы мы также находим в творчестве ряда авторов: «Кыйналгъанды халкъым» ('Настрадался мой народ') [Газаева 2015: 72], «Алам башы — Малкъарым» ('Центр моей Вселенной — Балкария') [Баккуев 2007: 72].

В этих стихотворениях поэты апеллируют к исторической и духовной памяти, общечеловеческие идеи и ценности рассматриваются в русле национального самосознания: *Кѣп чыдагъан ъз миллетим, сакълан тургъан тауларым...* 'Народ мой, переживший много бед, и горы, ждущие нашего возвращения...' [Баккуев 2007: 67].

Несмотря на то, что молодые поэты не являются очевидцами тех трагических со-

бытий, форма авторского повествования в их текстах отличается драматизмом, что создает особую художественную атмосферу, придает «остроту» их произведениям: *Къыйналгъанды халкъым, къыйналгъанды, жерине термилип таралгъанды, хар ташын эсинде сакълагъанды, къыргъыз тюзлеге атылгъанды* 'Настрадался мой народ, настрадался, // Тоска по земле родной причиняла боль, // Каждый камень в душе своей хранили, // Брошенный в киргизских степях' [Газаева 2015: 16].

История воссоздается сквозь призму воспоминаний их близких, и, возможно, в связи с этим в их текстах мало конкретики. Основная идея стихотворений заключается в глубоком осмыслении трагедии и желании возродить народную память, демонстрируя новую авторскую концепцию, детерминированную инновационной моделью поэтического осмысления мира и форм её репрезентации:

*Аллах берген жерни киши сыйырмаз,
Анасындан деу болуп тууса да...*

— Юргени уа?!.

— юрме кьой...

*Юргенлеге кёк
кёкюрер!*

[Баккуев 2007: 76].

'Землю, данную Аллахом,
никто не сможет отобрать,
Кем бы ни родился он...
— А лаять?!
— пусть лает...
Лающим небо
возмутится!'

В этом произведении А. Баккуев повествует о том, что исход человеческой судьбы зависит от Бога, и разрешение житейских проблем он находит в обращении к Аллаху с просьбой о даровании достойного будущего для его нации.

Следует подчеркнуть, что задачи национальной поэзии усложнились, так как перед новой генерацией авторов стоит цель — обозначить статичность архетипического ядра в ситуации межкультурного диалога. И здесь важно не только продолжение литературной традиции с актуализацией патриотической тематики и оперирование этнокультурным материалом (фольклором: обрядами, бытовыми традициями,

национальными версиями эпоса «Нарты»), большее значение имеет формирование национального самосознания, основанного на духовно-нравственных составляющих карачаево-балкарской культуры.

Безусловно, несмотря на устоявшуюся идеологическую систему координат, глобализация вносит определенные изменения в сознание этноса, ввиду этого молодые авторы все еще находятся в поиске своего «я». Но, тем не менее, стремление сохранить свою национальную идентичность четко отражается в произведениях молодых стихотворцев, и тема народной трагедии весьма актуальна в новейшей карачаево-балкарской литературе.

Как было отмечено, в связи с эволюцией гражданского самосознания и актуализацией патриотизма в авторском мировосприятии молодые поэты демонстрируют новый взгляд на трагические события из прошлого своего народа посредством обновленной системы художественного мышления и авторского самовыражения. И, безусловно, данная тематика объединяет поэтов-ровесников своей идейно-содержательной, жанровой и композиционной организацией.

Художественное решение данной проблематики в поэзии молодых представляет собой совершенно новую страницу в национальной литературе в плане философского осмысления категории «трагическое». Художественно-эстетическое рассмотрение депортации и политического режима в их творчестве осуществляется в принципиально другом ракурсе.

Новизна ее заключается в открытости, ясности мысли, «оклеймении пороков» советской системы и убежденности в правоте своих позиций. Творческая толерантность, характеризовавшая карачаево-балкарскую поэзию прошлого столетия, сменилась протестами, вызовами и нетерпимостью к обстоятельствам, в особенности — в отношении проблем национального характера и изображения героя в трагических обстоятельствах.

Литература

- Алексеев 1984 — Алексеев М. П. Пушкин и наука его времени. Л.: Наука, 1984. 478 с.
Атабиева 2008 — Атабиева А. Д. Лирика Т. Зумакуловой: традиции и новаторство. Нальчик: Эльбрус, 2008. 128 с.

- Байтуганов 2016 — *Байтуганов И. Р.* Атламла (Шаги). Стихи. Нальчик: Полиграфия, 2016. 70 с.
- Байрамкулов 2012 — *Байрамкулов Н.* Корабли воспоминаний, Черкесск: Аланский Эрмитаж, 2012. 256 с.
- Баккуев 2007 — *Баккуев А. И.* Таула татыу (Очарованность горами). Стихотворения. Нальчик: Эльбрус, 2007. 128 с.
- Берберов 2011 — *Берберов Б. А.* Тема народной трагедии и возрождение в карачаево-балкарской поэзии (на материале устной и письменной словесности 1943–2000 гг.). Нальчик: КБИГИ, 2011. 216 с.
- Бродский 2000 — *Иосиф Бродский.* Большая книга интервью [электронный ресурс] // сост. В. Полухина. М.: Захаров, 2000. 702 с. URL: <https://www.rulit.me/books/iosif-brodskij-bolshaya-kniga-intervyu-read-202632-21.html> (дата обращения: 15.12.2018)
- Газаева 2015 — *Газаева А. Х.* Барама кёпюрге (Иду к мосту). Стихотворения. Нальчик: Эльбрус, 2015. 136 с.
- Галлямова 2014 — *Галлямова А. Г.* Ужесточение партийно-государственного контроля в духовной жизни ТАССР в период позднего сталинизма и татарская интеллигенция // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 2. С. 55–60.
- Жабоева 2003 — *Жабоева Е. А.* Проблема диалектики преемственности в поэзии. Нальчик: Эльфа, 2003. 464 с.
- Керимова 2018 — *Керимова Р. А.* Образ родины в военной лирике К. Кулиева // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. 2018. № 2 (37). С. 105–109. DOI: 10.31007/2306-5826-2018-2-37-105-109.
- Кулиев 1968 — *Кулиев К. Ш.* Раненый камень. Сборник стихов. М.: Советский писатель, 1968. 320 с.
- Манджиев 2005 — *Манджиев Н. Ц.* Калмыцкая проза о депортации (некоторые аспекты концепции человека). Элиста: Калм. кн. изд-во, 2005. 239 с.
- Мечиев 2003 — *Мечиев К. Б.* Стихи и поэмы. Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2003. 442 с.
- Писатели Кабардино-Балкарии 2003 — Писатели Кабардино-Балкарии. Биобиблиографический словарь. Нальчик: Эльфа, 2003. 442 с.
- Понарина 2012 — *Понарина Н. Н.* Глобализация и проблемы культуры // Общество: Философия, история, культура. 2012. № 1. С. 11–14.
- Рахаева 2014 — *Рахаева Д. Т.* Къадарны этегинде (На краю у судьбы). Стихи. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2014. 164 с.
- Султанов 2001 — *Султанов К. К.* Национальное самосознание и ценностные ориентации литературы. М.: ИМЛИ РАН, 2001. 230 с.
- Так это было 1993 — Так это было. Национальные репрессии в СССР / ред.-сост. С. Алиева. В 3-х т. Т. 2. М.: Инсан, 1993. 335 с.
- Тегуев 2012 — *Тегуев А. И.* Повседневная жизнь и стратегия выживания спецпереселенцев в 40–50-е гг. XX в. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 3. С. 33–42.
- Тейри кылыч 2011 — Тейри кылыч (Радуга): Сб. произв. молодых балкарских авторов: Стихи, рассказы, сказки / сост. Б. А. Глашев, М. М. Ольмезов. Нальчик: Эльбрус, 2011. 144 с.
- Цфасман 2012 — *Цфасман А. Б.* Послевоенные репрессии сталинизма в СССР и «чистки» в ГДР (1949–1953) // Вестник Челябинского государственного университета. 2012, № 7 (261). С. 80–83.
- Эпштейн 2015 — *Эпштейн М. Н.* Ирония идеала. Парадоксы русской литературы. М.: НЛО, 2015. 228 с.

References

- [So It Was: National Repressions in the USSR]. Vol. 2. S. Alieva (comp.). Moscow: Insan, 1993. 335 p. (In Russ.)
- [The Rainbow]. Coll. works of young Balkar authors; poems, short stories, fairy tales. B. A. Glashev, M. M. Olmezov (comps.). Nalchik: Elbrus, 2011. 144 p. (In Balk.)
- [Writers of Kabardino-Balkaria: a Bibliographic Dictionary]. Nalchik: El'fa, 2003. 442 p. (In Russ.)
- Alekseev M. P. [Pushkin and the Science of His Time]. Leningrad: Nauka, 1984. 476 p. (In Russ.)
- Atabiyeva A. D. [Lyrics by T. Zumakulova: Traditions and Innovations]. Nalchik: Elbrus, 2008. 464 p. (In Russ.)
- Bairamkulov N. [Ships of Memories]. Cherkessk: Alanskiy Ermitazh, 2012, 256 p. (In Russ.)
- Baituganov I. R. [The Steps]. Coll. poems. Nalchik: Poligraphiya, 2016. 70 p. (In Balk.)
- Bakkuev A. [Charmed by Mountains]. Coll. poems. Nalchik: Elbrus, 2007. 128 p. (In Balk.)
- Berberov B. A. [The topic of national tragedy and rebirth in Karachay-Balkar poetry (a case study of oral and written narratives, 1943–2000)]. Nalchik, 2011. 216 p. (In Russ.)
- Brodsky J. The Big Interview Book. Comp. by V. Polukhina. Moscow: Zakharov, 2000. 702 p. An Internet resource: <https://www.rulit.me/books/iosif-brodskij-bolshaya-kniga-intervyu->

- read-202632-21.html (accessed: December 15, 2018). (In Russ.)
- Epstein M. N. [The Irony of the Ideal: Paradoxes of Russian Literature]. Moscow: NLO, 2015. 228 p. (In Russ.)
- Gallyamova A. G. Tatar intelligentsia and party state's tightening control of the spiritual life of Tatarstan during the period of the late Stalinism. *Bulletin of Kazan State University of Culture and Arts*. 2014. No. 2. Pp. 55–60. (In Russ.)
- Gazayeva A. Kh. [Approaching the Bridge]. Coll. poems. Nalchik: Elbrus, 2015. 136 p. (In Balk.)
- Kerimova R. A. Homeless Motherland in the military lyric of K. Kuliev. *Bulletin of the Kabardian-Balkarian Institute for the Humanities Research*. 2018. No 2 (37). P. 105–109. (In Russ.)
- Kuliev K. Sh. [The Wounded Stone]. Coll. poems. Moscow: Sovetskiy Pisatel, 1968. 320 p. (In Russ.)
- Mandzhiev N. Ts. [Kalmyk-Language Prose Works about the Deportation: Revisiting Some Aspects in the Concept of Man]. Elista: Kalm. Book Publ., 2005. 239 p. (In Russ.)
- Mechiev K. B. Poems. Nalchik: Poligrafservis i T., 2003. 442 p. (In Balk.)
- Ponarina N. N. Globalization and culture problems. *Society: Philosophy, History, Culture*. 2012. No. 1. Krasnodar. Pp. 11–14. (In Russ.)
- Rakhaeva D. T. [On the Edge of Fate]. Poems. Nalchik: M. & V. Kotlyarov, 2014. 164 p. (In Balk.)
- Sultanov K. K. [National Identity and Value Orientation of Literature]. Moscow: Gorky Inst. of World Literature (RAS), 2001. 230 p. (In Russ.)
- Tetuev B. I. Everyday life and survival strategies of 'special settlers' in the 1940–1950s. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2012. No. 3. Pp. 33–42. (In Russ.)
- Tsfasman A. B. Post-war Stalinist repressions in the USSR and 'purges' in the GDR (1949–1953). *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2012. No. 7 (261). Pp. 80–83. (In Russ.)
- Zhaboeva Ye. A. [Dialectics of Succession in Poetry: the Issue Revisited]. Nalchik: El-fa, 2003. 464 p. (In Russ.).

